

Интуиция как проявленная тотальность субъективности

Г. В. Лобастов

*Российский государственный гуманитарный университет;
Московский авиационный институт (национальный исследовательский
университет)*

Рассматривается вопрос о природе и формах осуществления интуиции. В качестве основы для ее понимания указывается предметно-преобразовательная деятельность человека, опосредованная орудиями труда. Приводятся аргументированные возражения против иррационального объяснения природы человеческой субъективности. С опорой на труды Л. С. Выготского и Э. В. Ильенкова предлагается понимание интуиции как формы воображения (всеобщей формы творящей деятельности), разворачивающейся в условиях живого созерцания и мышления.

Ключевые слова: интуиция; субъективность; предметно-преобразовательная деятельность; воображение; творчество; мышление; созерцание.

Интуицию, конечно же, надо понять из той же самой основы, откуда выводятся и все другие формы субъективности: предметно-преобразовательной, опосредованной орудиями труда, деятельности. Возникновение и развитие этой деятельности есть возникновение и развитие человека и всего состава его субъективности. В том числе сознания. Поэтому, чтобы понять сознание, нужно понять труд, его форму и ту преобразующую действительность его *силу*, которая отделяет субъекта от всех предметных условий его жизнедеятельности. В этом процессе отделения и противопоставления человеком себя всем предметным условиям своего жизненного осуществления и открывается действительность, возникает, создается ее *образ*. Как легко понять, это противопоставление и связь осуществляется *через орудие труда*. Оно, будучи само предметным, несет в себе определения природы и столь же — определенность целевых интенций человека.

Но интуиция во всех ее трактовках предстает как *непосредственное* знание. Поэтому она и лежит как бы за сознанием, возникающим только в актах противоречий предметно-преобразовательной деятельности и ее *опосредствований*. Она лишена внутренней логической формы, рационально (логически) осмысливается только ее результат. И, естественно, этот результат осмысливается только потому, что он включен в деятельность субъекта. Включен как активная, хотя логически и не обоснованная, форма знания, чувства, предчувствия и т. п. Жизненная значимость интуитивной формы внутри практики и познания и ставит вопрос о ее природе и формах осуществления.

Она, интуиция, трудно вычленима из состава субъективности, ибо присутствует в любой ее форме. Даже мышление, форма которого как будто достаточно в науке разработана, этой же наукой представлено как отвлеченная от индивидуального движения всеобщая форма.

Но осуществление его в индивидуально-психической форме настолько связано другими функциями субъективности, что психологи-экспериментаторы с трудом находят возможности и условия выделения его, мышления, чистой формы. Поэтому и эксперименты, исследующие мышление, лишь больше ставят вопросов о реальном процессе осуществления продуктивного мыслительного процесса, нежели вскрывают его природу. Это тем более так, что психология, как и прочие науки, сознательно исповедует лишь логику формальную, которая сама по себе как форма мышления, как метод, нового знания дать не может. Это порождает массу представлений (концепций) творческого процесса, завязанного на силы человеческой субъективности. Что еще более уводит от действительного основания (природы) человеческой субъективности и погружает исследовательскую мысль то в нейрофизиологическую деятельность, то в анализ особенностей генного материала. То в язык, в его схематику и логику. А то и вообще в религиозные представления.

И тем самым возвращает к тому, что вполне сознательно и полагалось в существо самой этой экспериментальной деятельности, — в формальную логику. Именно эта логика, как методологическая основа, наиболее отчетливо проявляла себя там, где эмпирическое обобщение представлено в наиболее полной форме. И умение это обобщение осуществлять понимается психологией — и в эксперименте, и в тестировании — как способность мышления. Что это далеко не так, она не понимает до сих пор. Даже Л. С. **Выготский**, великий психолог, склонный к диалектике, этот момент в формировании понятий вполне допускает. Тем более что и сам процесс обобщения, если признать его

основным способом формирования понятий, никакой рассудочной формальной логикой объяснен быть не может.

И «тайные силы» субъективности вновь перед нами ставят вопрос о своей природе. Здесь нет задачи вдаваться в эту проблему и эксплицировать все теоретические представления на этот счет. Но ясно, что логическая неопределенность и теоретическая невыявленность тех субъективных сил, которые мыслятся как движение интуиции, создает большую теоретическую проблему как для философии, так и для психологии.

Содержательная объемность движения субъективности, разлагаемая научной рефлексией на различные составляющие, даже в ее рационализированной форме, как форме строгого сознательного мышления, представляется научному сознанию не до конца проясненной. Поэтому и в интеллектуальной форме начинают видеть интуицию. Вот как фиксирует это обстоятельство В. Ф. Асмус: «Постижение ума не тождественно с чувственным “видением”, “созерцанием”. Ум, конечно, ничего не “видит”, не “созерцает” в прямом смысле слова. “Интеллектуальное созерцание” есть образное выражение. Однако в этом выражении кроется глубокий смысл: оно содержит, во-первых, мысль о происхождении абстракций и постижений ума из лежащих в их основе чувственных созерцаний; во-вторых, мысль о том, что в составе постижений ума имеются истины, которые ум признает не на основании доказательства, а просто усмотрением мыслимого в них содержания. Достаточно вникнуть в это содержание — и тотчас возникает непреложное сознание его истинности. Такие истины, хотя и не созерцаются чувственным зрением, однако осознаются как истины, непосредственно отражающие действительность. От чувственных интуиций их отличает интеллектуальный характер постижения.

Сближает их с чувственными интуициями непосредственность, с какой (в сознании современного человека) мыслится их содержание. Эта непосредственность, независимость от доказательства придает интеллектуальному постижению характер максимальной очевидности» [1, с. 5].

Однако в обоих случаях интуиция мыслится, повторяю это, как не укладывающееся ни в какую логику некое движение субъективности, но которое дает новое знание и новые идеи, т. е. как деятельность познавательная и как деятельность творческая. Более того, она как будто и деятельностью-то не выглядит, не обнаруживает признаков процессуальности, наоборот, непосредственно и сразу дает нам знание, не представленное ни в каких логических схемах. И всегда с определенностью достоверности. Но доказать то, что она содержит в себе, оказывается невозможным.

Потому такая форма знания и выделяется как особая. Сведение же ее к чувственной или рациональной форме вопроса не решает, а просто указывает на *отсутствие действенной полноты самих форм рассудка и чувства*, их границу в познавательной и творческой деятельности. И интуиция в таком случае начинает казаться как форма более фундаментальная, как необъясненная сторона или даже как фундаментальное основание традиционно мыслимых познавательных форм. Задача заключается в том, чтобы либо свести этот феномен интуиции без остатка к имеющимся известным формам работы субъективности, — либо эти формы понять иначе, интегрируя, вводя в них интуитивные процессы.

Иначе говоря, необходимо найти и ясно теоретически выразить внутреннюю связь интуиции и логического мышления. Кантовские априорные формы созерцания (пространство и время)

и мышления (категории) мышление к интуитивным формам не относит, хотя в индивидуальном сознании они работают бессознательным образом. Не относит, потому что не только философская рефлексия, но и обыденное сознание может осмыслить и удержать (ввести в сферу сознания) любую из категорий и опереться на нее как *предпосылку*, как *условие*, как *форму* движения мысли, наконец. Определенность этих форм делает их определенными и в составе логического движения. Ибо мыслятся они как вполне объективные, даже если и даны в субъективной форме.

Не то с интуицией. Ей отказывают в логической природе в первую очередь именно потому, что в ней усматривается некая субъективная сила, присущая непосредственно и только субъекту. И хотя эта способность представлена как всеобщая форма, ни ее природа, ни ее способность давать всеобщие определения (быть всеобщей и необходимой формой работы субъективности, души) не имеют логического объяснения.

Л. С. Выготский в свое время блестяще показал психологическое содержание искусства. Его гениальный труд «Психология искусства» вполне, хотя и неявно, раскрывает нам и то, что собою представляет интуиция как одна из психических функций, выражаемых искусством и развиваемым им. Поистине, в мировом искусстве представлена жизнь человеческой души. И надо сказать, религия совершенно неслучайно, улавливая человеческие души, делает это через искусство. В тайные глубины души она идет теми путями, на которых эта душа получала свое полное человеческое развитие, — помимо и за рамками практически трудовой деятельности, которая в известные исторические времена всегда существовала и существует в отчужденной форме. В свободной художественной

деятельности историческое человеческое содержание получало осмысленную форму самосознания. В искусстве человек выводит самого себя за рамки непосредственных условий своего жизненного бытия, как бы поднимается над ними и с этой «божественной» высоты всматривается в себя. Здесь он заглядывает в то свое содержание, которое маловыразимо на языке логики, которое кажется интимно-божественным и в котором (и которым) я непосредственно переживаю то, что непосредственно мне не дано, что вынесено в пространство бытия и что дает мне ощущение непосредственной связи с глубинным бытийным содержанием. Эстетика как наука исследует эту форму движения человеческих чувств и «религиозность» этого чувства понимает как форму самосознания, в котором дана *непосредственная* связь со всеобщим *непосредственно-чувственным* человеческим содержанием бытия. Позволю себе большую выписку из «Психологии искусства» Л. С. Выготского.

«Андрей Белый где-то говорит, что, слушая музыку, мы переживаем то, что должны чувствовать великаны. Прекрасно выражено это высокое напряжение искусства в “Крейцеровой сонате” Толстого. Вот как говорит о ней рассказчик. “Знаете ли вы первое престо? Знаете?! — воскликнул он. — У!.. Страшная вещь эта соната. Именно эта часть. И вообще страшная вещь музыка. Что это такое? Я не понимаю. Что такое музыка? Что она делает? И зачем она делает то, что она делает? Говорят, музыка действует возвышающим душу образом — вздор, неправда! Она действует, страшно действует, я говорю про себя, но вовсе не возвышающим душу образом. Она действует ни возвышающим, ни принижающим душу образом, а раздражающим душу образом. Как вам сказать? Музыка заставляет меня забывать

себя, мое истинное положение, она переносит меня в какое-то другое, не свое положение: мне под влиянием музыки кажется, что я чувствую то, чего я, собственно, не чувствую, что я понимаю то, чего не понимаю, что могу то, чего не могу...”» [2, с. 318—319].

Можно бы было тут и остановиться, чтобы «мыслью почувствовать», что провидчески-интуитивные суждения Нострадамуса и Ванги — пища для неразвитой души, и сколь высоко может вознести нас религиозная музыка. Она дает нам особое вдохновение. Из особого содержания бытия вырастают и другие музыкальные жанры и делают нас способными сделать то, на что не способен нас подвигнуть обыденный жизненный контекст.

Однако продолжу. «Она, музыка, сразу, непосредственно переносит меня в то душевное состояние, в котором находился тот, кто писал музыку. Я сливаюсь с ним душой и вместе с ним переносюсь из одного состояния в другое, но зачем я это делаю, я не знаю. Ведь тот, кто писал хоть бы Крейцерову сонату, — Бетховен, ведь он знал, почему он находился в таком состоянии, — это состояние привело его к известным поступкам, и потому для него это состояние имело смысл, для меня же никакого. И потому музыка только раздражает, не кончает. Ну, марш воинственный сыграют, солдаты пройдут под марш, и музыка дошла; сыграли плясовую, я проплясал, музыка дошла; ну, пропели мессу, я причастился, тоже музыка дошла, а то только раздражение, а того, что надо делать, в этом раздражении, — нет. И оттого музыка так страшно, так ужасно иногда действует. В Китае музыка государственное дело. И это так и должно быть...» [2, с. 319].

Пишут про вдохновение, не могут разгадать загадку гениальности, школа ищет одаренных... Воистину не теми

путями идут слепцы. И обязательно упадут в яму. Но люди прозревают только вместе со всеми, совместно с исторической «культурой прозрения». Видеть можно, говорит Э. В. Ильенков, только глазами всего человечества. В небо поэзии поднимающее нас вдохновение возможно только как глубокое погружение в толщи культуры. Здесь и обретете способность интуиции.

«Природа интуиции, — говорит полвека спустя другой автор, далекий от религиозных представлений, — кажется очень таинственной и загадочной. На фактах, связанных с ее действием, особенно любят спекулировать сторонники иррационализма в философии. Эти факты настолько пестры и разнообразны, что можно впасть в отчаяние при попытке дать им рациональное материалистическое толкование, подвести их под какое-то общее правило, выявить хоть какой-то общий принцип и закон, которому все они подчиняются» [3, с. 251]. И отвечает: «В предметно-практической деятельности общественного человека, изменяющего и природу и самого себя, как раз и заключается тайна рождения фантазии, интуиции, воображения» [3, с. 256].

Это — из объемной статьи «Об эстетической природе фантазии», фундаментальной работы Э. В. Ильенкова, в которой и природа фантазии, и природа воображения, и интуиция впервые получают серьезное культурно-историческое объяснение. Ниже отмечу самые значимые точки в трактовке этих способностей.

Что способность интуиции возникает где-то в опыте (как бы его ни толковали) — это, пожалуй, общее место. Попытка найти способности человека за рамками его собственной активности, в его телесной природе или «зателесном» божественном бытии, — это с самого начала ложный путь, и Ильенков в самых различных сюжетах показывает эту

ложь, ее природу и причины существования таких представлений. «От физиологии как таковой они (человеческие способности. — *Примеч. автора*) зависят так же мало, как формы Венеры Милосской — от химического состава мрамора, из коего статуя высечена» [3, с. 233]. За расхожей фразой, что надо взять глыбу мрамора и из нее удалить все лишнее, никакой серьезной мысли не лежит, но в ней есть намек, который проговорить никто из любителей красивой фразеологии не может. Ибо тут опять лишь указывают на то, что в художнике есть сила, данная откуда-то свыше и которой он подчиняется и которая водит его резцом. Образ скульптуры диктуется его «гением», а природа последнего опять же — то ли в природных силах, то ли в божественных. Этим эстетствующая интеллигенция вполне, и не без самомнения, удовлетворяется.

Для понимания интуиции мало понимать то обстоятельство, что человек со всеми своими субъективно-психическими способностями порождается в труде. «Гегель, подытоживая исследования Канта, Фихте и Шеллинга, дал очень тонкие анализы действий, которые совершает человек в акте живого созерцания явлений. Он в полной мере учитывал важность того факта, что осмысленное (“интеллектуальное”) созерцание явлений, в отличие от простого глядения на них, всегда обеспечивается действием так называемой “силы воображения”, и показал, что высшие формы этой способности, и прежде всего “продуктивное воображение”, или, как ее еще называют, “творческая фантазия” составляют специфически преобладающую способность художественного творчества...» [3, с. 216].

В этой способности, способности воображения, Ильенков и видит то, что называют интуицией. Интуиция, — утверждает

он, — одно из самых важных проявлений способности воображения. Поэтому проблема воображения и становится для Ильенкова центральной в деле объяснения так называемых внелогических форм человеческой субъективной деятельности. «Специфическая роль силы воображения в акте познания заключается в том, что она позволяет соотносить формально усвоенные знания с единичными, еще никак не “формализованными” (не выраженными еще в общих формулах, в категориях) фактами, данными в живом созерцании. Без нее одно с другим соотносить вообще нельзя. <...> Между тем действие силы воображения обеспечивает прежде всего умение правильно видеть то, что есть, но еще не выражено в виде понятия» [3, с. 218].

Человек с развитым воображением видит вещь глазами всех других людей сразу, интегрально, непосредственно. Развитием этой мысли Ильенков выводит способность созерцания за рамки индивида. Или, что то же самое, исторически развитая человеческая чувственность осмысливается как универсально-всеобщая человеческой культурой вырабатываемая субъективная способность чувственного созерцания. «Это может иметь место только в том случае, если работа его воображения с самого начала организована и регулируется формами, имеющими “универсальный” характер» [3, с. 242]. Развитие этой способности происходит в ходе художественной деятельности. Поэтому искусство несет в себе смысл исторического развития человеческой чувственности.

Мерой же и формой художественной деятельности и ее продуктов является красота. С ощущением красоты Ильенков и связывает деятельность воображения, фантазии и даже в прямом смысле интуиции. Красота становится критерием истинности чувства и мыслится как

чувственное бытие истины. В ощущении красоты представлено понятие. Истина чувства (красота) и истина понятия (выражение сути вещи в мысли) делают их тождественными. «...Форма красоты, связанная с целесообразностью, и есть как раз не что иное, как “чистая форма и мера вещи”, на которую всегда ориентируется целенаправленная человеческая деятельность. Под формой красоты поэтому-то и ухватывается не что иное, как универсальная (всеобщая) природа данной, конкретной, вещи» [3, с. 259—260].

Красота — исторически развиваемая форма организации чувственного материала, форма созерцания и форма эстетического творчества. Искусство же (художественная деятельность) — это движение мышления в чувственных образах, движение по форме, по логике красоты, т. е., переводя на логический язык, по форме истины. Движение, выявляющее мерность, меру самой действительности.

Это движение предполагает свободу от ближайших обстоятельств, ибо входит во всеобщее содержание, а потому и обеспечивает всеобщие условия своего собственного движения, т. е. движения свободного, движения по цели. «...Воображение вообще, если оно действительно есть, есть всегда свободное воображение. Несвободное воображение — это нонсенс, деревянное железо, круглый квадрат. Где нет свободы воображения — нет и самого воображения, воображения вообще, а есть лишь его иллюзия, его мнимое бытие, его суррогат — замаскированный штамп или замаскированное рабство по отношению к ближайшим условиям психической деятельности. Здесь нет работы воображения по цели, по идеалу, по развитому чувству красоты» [3, с. 249—250].

«Красота» продукта воображения, — пишет Ильенков, — и в самом деле как-то связана с ощущением

«целесообразности», и притом при отсутствии жесткого понятия об этой «цели». «Интуиция (то есть действие культурно развитого воображения) действительно схватывает любой предмет (в том числе природный) под “формой целесообразности”» [3, с. 257]. «Целесообразность в данном случае можно определить как сообразность частей с целым, как их “целесообразность”. Составные части, то есть детали и подробности зрелища, здесь сразу же воспринимаются как “естественные производные” от некоторого целого, как части, рождающиеся из лона этого целого, как его “органы”...» [3, с. 263]. Развитое эстетическое чувство «позволяет “схватить” образ целостной жизненной ситуации, до того как она будет строго и подробно проанализирована жесткой логикой мышления в понятиях.

Здесь и кроется тайна способности видеть “целое раньше частей”, силы “интуиции”, воображения. Ничего мистического в этой способности нет. Это есть типичная форма детерминации человеческой психики со стороны объективной действительности, со стороны ее совокупного воздействия на психику» [3, с. 270—271]. «Художественное творчество, специально развивая чувство красоты, тем самым формирует и организует способность человеческого воображения в ее наиболее высших и сложных проявлениях. Отсюда можно понять, почему эстетически развитый глаз умеет сразу же распознавать “целое раньше частей”» [3, с. 262].

Но и наоборот, «умение по какой-то детали моментально улавливать общий смысл надвигающегося события» [3, с. 221]. Хотя это то же самое, а именно внутренняя логика взаимосвязи части и целого. Чувство здесь «поднимается» во всеобщую форму и удерживает всеобщее содержание: человек чувствует чувствами всего человечества. Функция различения

и противоположения, содержащаяся в сознании, противопоставляет эту всеобщую форму самой себе в чувстве единичного индивида. И ощущение бытия в чувстве вне времени и пространства становится субъективно-психическим фактом. Всеобщее свернулось в «точности» Я. И то же самое происходит с мыслящей способностью, которая, помимо своего внешнего обнаружения в теоретических трактатах и практической деятельности, обнаруживает себя как *универсальная потенция понятия*, понимания. Потенция, ощущаемая Я в самом себе и выходящая в этом ощущении в бесконечность пространственно-временного бытия, чтобы быть вне него. Чтобы чувствовать нечувствуемое, чтобы в чувстве схватывать невыраженное в мышлении. Чтобы понятие чувствовало, а чувство понимало. Совпадение чувства и понятия в их идеальной форме и представляют собой «точечную» тотальность, которая и предстает как чувствующее и мыслящее Я. И только развитие этих форм может привести к *адекватному* самосознанию. А потому и к пониманию интуитивной способности. «...Формы, организующие работу воображения, представляют собой продукт такой же длительной “дистилляции”, как и логические формы, категории логики. В них выражен опыт работы творческого воображения всех протекших веков, всех поколений, на плечах которых выросла современная форма культуры воображения» [3, с. 242].

В этой резюмирующей мысли Ильенкова легко заметить, что за воображением лежат некие исторически выработанные формы. Функция же его в процессе познания заключается в соотношении формально усвоенного знания с единичными фактами, данными в живом созерцании. «...Действие силы воображения обеспечивает прежде всего умение правильно видеть то, что

есть, но еще не выражено в виде понятия» [3, с. 218]. Любопытно, что развитое нравственное чувство тоже до понятия схватывает суть вещей. И развитая мыслящая способность тоже предваряет, предшествует обнаружению истины предмета. И эстетический вкус позволяет мне увидеть смысл, раскрытый художником в пространстве художественного произведения. И в чувственном созерцании, и в мыслящем воображении, и в нравственном ощущении добра я вхожу в действительность единственным способом, способом ее преобразования, творения ее образа до истинной формы. И за этой способностью лежит реальный процесс предметно-преобразовательной деятельности, процесс, в котором я целесообразно формирую вещь (преобразую ее в соответствующую форму) и полагаю ее как условие своего бытия. Здесь я создаю образ вещи, и процесс этого создания связан общественно-историческими условиями общественного производства человеком самого себя. Здесь возникают и живут все формы субъективности, и в составе личностного бытия (т. е. бытия сугубо общественного) они представлены интегрально как снятые формы культуры, как всеобщие формы развития культурно-исторической действительности в содержании Я. Связь всеобщей формы с единичным содержанием факта, что обеспечивает воображение, одновременно есть логическая диалектическая форма связи всеобщего, особенного и единичного, форма суждения и умозаключения. Иначе говоря, в воображении в снятой форме представлено мышление, логика.

А что есть связь целого и его частей? Сугубо диалектическая форма, своеобразием которой является снятие формы деятельности в ее процессуальной завершенности. Деятельность выявляет

и создает «части» того *целого*, которое предшествует его бытию в образе *цели*, синтезирует их сообразно цели, везде опираясь на категории как всеобщие формы мышления, везде выступающие как моменты этого движения, как идеальные условия и как формы осуществления этого деятельностного процесса. Положить цель — это вообразить, создать образ того, чего еще нет. Этот образ возможен только на основе всеобщей логической формы, представленной в способностях действующего субъекта. Движение этих способностей внутри деятельностного процесса выражает, воспроизводит, отражает реальную форму процесса в ее чувственно-предметной форме. Логическое отношение части и целого, если его выразить в его полноте, предстанет как снятие временного движения реального творения вещи, а потому (с субъективной стороны) и ее образа. Творящая деятельность, ее всеобщая форма, как форма предметно-практического преобразования, и есть форма воображения. Та форма, которая разворачивается в субъективной деятельности воображения.

Но разворачивается не в своей логической чистоте, а в условиях живого созерцания и мышления, т. е. субъективно-психических процессов, непосредственно встроенных в проблемность человеческого бытия. Напряженность этого бытия, давление обстоятельств, непосредственно активизируют эту способность, которая и оказывается внутренним моментом всего процесса познания. Как фантазия, как интуиция, как воображение.

Литература

1. *Асмус В. Ф.* Проблема интуиции в философии и математике: очерк истории: XVII — начало XX в. / Вступ. ст. В. В. Соколова. 3-е изд., стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 310 с.

2. **Выготский Л. С.** Психология искусства / Общ. ред. и коммент. Вяч. Вс. Иванова. 2-е изд., испр. и доп. М.: Искусство, 1968. 575 с. (Из истории советской эстетики и теории искусства).

3. **Ильенков Э. В.** Искусство и коммунистический идеал: избранные статьи по философии и эстетике. М.: Искусство, 1984. 349 с.

Лобастов Геннадий Васильевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и истории психологии Института психологии им. Л. С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ); профессор кафедры философии и социальных коммуникаций Московского авиационного института (национального исследовательского университета) — МАИ. E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru